

УДК 81'42

**МНОГОЯЗЫЧНЫЕ НАРРАТИВЫ Р. КИПЛИНГА:
ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В.Н. Карпухина

Статья посвящена многоязычным нарративам в текстах Р. Киплинга, связанным с поликультурной национальной идентичностью субъекта-повествователя / рассказчика. Базовые, утилитарные, моральные и терминальные ценности и нормы выступают в киплинговских нарративах в качестве ключевых точек аксиологической шкалы для повествователя и персонажей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нарратив, национальная идентичность, аксиологические приоритеты, ценности, Р. Киплинг

КАРПУХИНА Виктория Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета.
karpuhina_vn@mail.ru

Цитирование: Карпухина В.Н. Многоязычные нарративы Р. Киплинга: лингвоаксиологический аспект [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2023, № 2. – С. 99–111.
Режим доступа: www.tverlingua.ru

**MULTILINGUAL NARRATIVES OF RUDYARD KIPLING:
AXIOLOGICAL LINGUISTIC ASPECT**

Viktoriya N. Karpukhina

The paper considers Rudyard Kipling's multilingual narratives connected to the multicultural national identity of their narrators / storytellers. Basic, utilitarian, moral, and terminal values and norms in Kipling's narratives work as the key points of the axiological scale for the narrator and literary characters.

KEY WORDS: narrative, national identity, axiological priorities, values, R. Kipling

KARPUKHINA Viktoriya N. – DSc in Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistics, Translation, and Foreign Languages of the Institute of Humanities of Altai State University. karpuhina_vn@mail.ru

Citation: Karpukhina V.N. Multilingual narratives of Rudyard Kipling: axiological linguistic aspect [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2023, № 2. – P. 99–111. Access mode: www.tverlingua.ru

В статье рассматриваются особенности многоязычных нарративов Редьярда Киплинга, в которых, с одной стороны, утверждается незыблемость аксиологических приоритетов старого, «колониального» канона британской литературы, а с другой стороны, начинает выстраиваться аксиологическая шкала нового, «постколониального» литературного канона. Это связано, в первую очередь, с мультилингвальной и поликультурной национальной идентичностью самого Киплинга.

Один из первых переводчиков Киплинга на русский язык, Н.П. Азбелев, отмечает «такую черту творчества Киплинга, как взаимодействие отдельных наций и национальных культур в его произведениях. Эта проблема представлена в своеобразном тройном «преломлении» в его рассказах, которые, с одной стороны, посвящены описанию быта, верований и характера туземцев, с другой – изображению жизни англичан в Индии и взаимоотношению между ними и туземцами; повествованию об англо-индийских солдатах – с третьей» (Пичугина, Поплавская, 2015: 138).

Известный исследователь-востоковед С.Л. Вельтман полагает иначе: «Киплинг, которого европейская пресса считает лучшим знатоком Индии, ...всегда только одним боком задевает жизнь этой страны, сосредоточивая свое внимание на быте проживающей там английской аристократии и офицерства. Как поэт, он мастерски преломляет экзотический романтизм; как романист, он совершенно не дал реальной картины своеобразной жизни

многомиллионной Индии с ее религиозными традициями, кастовым делением и т.п.» (Вельтман, 1928: 104).

Чарльз Аллен, один из лучших современных биографов Редьярда Киплинга (см.: (Карпухина, 2023: 181)), собирая материал для своей книги «Киплинг-сахиб: Индия и сотворение Редьярда Киплинга в 1865-1900 гг.», беседовал со многими представителями старшего поколения, которые раньше жили и работали в британской Индии. «Ни один из них не знал Редьярда Киплинга лично, но во многих случаях их родители принадлежали к поколению сахибов и мемсахиб, жизнь которых Киплинг запротоколировал в своих рассказах и высмеивал в своих стихах. Многие, кстати, считали Киплинга невежей – вульгарным чужаком из «низов» общества, который злоупотребил англо-индийскими традициями гостеприимства, написав об изнанке британского владычества в Индии» (Allen, 2007: 4).

Нам представляется весьма показательным глагол *запротоколировал*, использованный Ч. Алленом. В нарративной структуре прозаических текстов Р. Киплинга практически всегда присутствует классический «третьеличный» повествователь (Падучева, 2010: 203). Чаще всего он не принадлежит миру текста (выступает как экзегетический повествователь) и при этом занимает подчеркнута отстраненную, объективную позицию «стороннего наблюдателя». Е.В. Падучева полагает, что экзегетический повествователь может «описывать внутренние состояния героя не сами по себе, а через их симптомы, наблюдаемые признаки... (это так называемый протокольный стиль)» (там же, с. 205). Подобная позиция внешнего наблюдателя, занимаемая повествователем в многоязычных и поликультурных нарративах Киплинга, создает определенную иллюзию объективной оценки происходящего в художественном мире киплинговских текстов.

Классическое понимание термина «нарратив» в работах В. Шмида соотносится именно с категорией повествователя: «Повествование, противопоставлявшееся непосредственному драматическому исполнению, связывалось с присутствием в тексте голоса опосредующей инстанции,

называемой «повествователем» или «рассказчиком». ...В классической теории повествования основным признаком повествовательного произведения является присутствие такого посредника между автором и повествуемым миром. Суть повествования сводилась классической теорией к преломлению повествуемой действительности через призму восприятия нарратора» (Шмид).

В.А. Андреева определяет нарративность как «специфическую стратегию текстообразующего способа представления мира или фрагмента мира в виде сюжетно-повествовательных высказываний, в основе которых лежит некая история (фабула, интрига), преломленная сквозь призму определенной (определенных) точки (точек) зрения» (Андреева, 2007: 65).

Точка зрения повествователя в нарративе отражает ценности и нормы определенного социума. Эти ценности и нормы, с точки зрения В.И. Карасика, могут быть разделены на четыре группы: а) определяющие условия биологического состояния человека (базовые ценности физического бытия), б) характеризующие пользу и вред для индивидов (утилитарные ценности), в) раскрывающие природу долга и ответственности (моральные ценности), г) объясняющие суть духовного бытия и смысла жизни (терминальные ценности) (Карасик, 2022: 15-16). Терминальные ценности, связанные с религиозными убеждениями местного населения, зачастую вызывают у «всезнающего» англоговорящего повествователя в текстах Киплинга скрытую или явную насмешку: *Надо сказать, что во всей Северной Индии есть только один человек, способный по своему выбору сойти за индуиста или мусульманина, чамара или факира* (рассказ «Саис мисс Юэл») (Киплинг, 1989, с. 60); *Тогда Вали-Дад увлек меня в мерцающую ночь, и мы стали гулять в большом саду, где росли розы, и высказывать еретические взгляды на религию, и правительства, и жизненный путь мужчины. Наступал Мухаррам – большой мусульманский праздник* (рассказ «На городской стене») (Киплинг, 1989: 138). Многочисленные транскрибированные экзотизмы, которые используются в текстах

киплинговских рассказов и повестей, являются маркерами аксиогенных ситуаций в нарративе. Под аксиогенными ситуациями В.И. Карасик понимает «ситуации, осмысление которых прямо связано с определением ценностей» (Карасик, 2015: 7). Использование повествователем иронии в аксиогенных ситуациях, связанных с терминальными ценностями, маркирует ситуации как проблемные с точки зрения межкультурной коммуникации. В.И. Карасик справедливо полагает, что «кульминационная точка комического текста (пуант) представляет собой совмещение несовместимого. Смешным оказывается только то, что актуально для коммуникантов, и, соответственно, можно рассматривать шутки как индикаторы ценностей, которые могут быть специфичными для разных этнокультурных или социокультурных групп» (Карасик, 2017: 59).

Транскрибированные экзотизмы зачастую отсылают читателя к аксиогенным ситуациям межкультурных конфликтов и соотносятся с базовыми и утилитарными ценностями (нормами поведения человека в быту и в ситуациях выживания): *Соплеменники ненавидели ее за то, что она стала мемсахиб и ежедневно мылась, а жена капеллана не знала, что с ней делать* (рассказ «Лиспет») (Киплинг, 1989: 65); *Он стал одним из лучших игроков в бабки, а это – игра, которой занимаются все джампани и многие саисы, ожидая ночью своих хозяев у Дома Правительства или Оперного театра; он выучился курить табак, состоящий на три четверти из коровьего навоза, и слушал мудрые изречения седого джамадара всех саисов Дома Правительства* (рассказ «Саис мисс Юэл») (Киплинг, 1989: 63).

По иронической оценке, возникающей при описании повествователем аксиогенных ситуаций, которые связаны с терминальными, базовыми и утилитарными ценностями, можно заключить, что «всезнающий» англоговорящий повествователь в рассказах и сказках Киплинга принимает многоязычное, поликультурное пространство как данность, с помощью иронии повышая свой коммуникативный статус.

В двух кипплинговских «Книгах Джунглей», нарративы в которых складывались достаточно спонтанно (см.: (Кагарлицкий, 1989: 33-35; Перемышлев, 1998: 11-12; 399-401)), двуязычное англо-индийское коммуникативное пространство расширяется до «вавилонского смешения» языков: кроме экзотизмов и имен на хинди, в текстах появляются искаженно транскрибированные коммуникативные фрагменты на русском языке (рассказ «Белый Тюлень»), экзотизмы, связанные с верованиями и бытом эскимосов (рассказ «Квикверн»). Данные фрагменты маркируют разноязычное коммуникационное пространство колониального дискурса, однако, в отличие от рассказов и сказок Киплинга, мультилингвальность его в «Книге Джунглей» предельно условна (Карпухина, 2023: 183).

Роль повествователя в «Книгах Джунглей» занимает диегетический рассказчик, ведущий повествование от 1-го лица и принадлежащий миру текста. Но этот рассказчик выполняет уже роль не репортера, как в рассказах, а условного издателя или редактора. Механизм иронии рассказчика-издателя, работающий на разрушение иллюзии реальности текста, начинает действовать уже в «Предисловии автора» к первой «Книге Джунглей», когда актуализируются моральные ценности, связанные с формальным выражением благодарности. Издатель благодарит прежде всего *высокоученого и талантливого Бахадур Шаха, грузового слона № 174 по списку Индии, который, так же как и его милейшая сестра, Падмини, в высшей степени любезно сообщили историю Слонового Тумаи*, а также других, не менее экзотических персонажей (Киплинг, 1998: 25). Сюжетная рамка вымышленного хронотопа в нарративе двух «Книг Джунглей» задается изначально. И большая часть аксиогенных ситуаций в многоязычном нарративе «Книг Джунглей», как и в рассказах и сказках Киплинга, маркируется с помощью транскрибированных экзотизмов.

Более того, многоязычный рассказчик становится «ненадежным рассказчиком», искажая, например, фонетический облик русских слов, появляющихся в повествовании, или же произвольно изменяя значение

культурных реалий языкового пространства инуитов. Так, в рассказе «Белый Тюлень» в первой «Книге Джунглей» локус происходящих событий обозначается как *at a place called Novastoshnah or North East Point, on the island of St. Paul* (Kipling, 2018: 110). В переводе текста на русский язык был выбран «восстановленный» вариант русского наименования локуса действия — *бухта Нововосточная*. Охотники на тюленей именуется в тексте Киплинга *Kerik Booterin, the chief of the seal-hunters on the island, and Patalamon, his son* (Kipling, 2018: 121) (ср. комментарий редактора перевода: *Имена Алеутов правильнее было бы прочесть «Кирьяк» и «Пантелеймон», но автор прочитал их так, как показалось правильным ему* (Киплинг, 1998: 416)).

Неверно имитируя следующий коммуникативный фрагмент русской речи, киплинговский нарратор, вероятно, делает отсылку к классической русской литературе. В комментариях к переводу сделана попытка восстановить данную аллюзивную отсылку: *По крайней мере, для русского читателя фраза: «Scoochnie! Ochen scoochnie!» – должна звучать жестко-иронично еще и потому, что гоголевский «Миргород» заканчивается словами: «Скучно на этом свете, господа!»* (Киплинг, 1998: 417). В данном случае происходит не совсем удачная аллюзивная отсылка к моральным ценностям иной культуры (в частности, русской классической литературы).

Национально-культурная идентичность личности формируется в ситуациях осмысления универсалий «свое» – «чужое» (ср. (Лотман, 2000: 257)). «Ненадежный рассказчик» профанирует сам принцип выстраивания многоязычного коммуникативного пространства «Книги Джунглей», намеренно или случайно демонстрируя низкий уровень лингвистической компетенции многоязычной языковой личности. То же самое происходит при конструировании коммуникативной ситуации в рассказе «Квикверн» во второй «Книге Джунглей»: произвольно соединяя разных эскимосских божеств в единое целое, рассказчик создает собственную мифологию, условно показывая экзотику верований северных народов. Подросток-инуит,

пытаясь спасти свою деревню от голода на тюленьей охоте, чуть не попадает под каменную глыбу: *Этого было достаточно для Котуко. Его давно убедили, что в каждом утесе, в каждом камне есть хозяин (его инуа). Обыкновенно этот «инуа» – одноглазая женоподобная тварь, называемая торнак, когда такая торнак желает помочь человеку, она катится за ним в своем каменном доме и спрашивает, желает ли он, чтобы она сделалась его духом-покровителем* [Киплинг, 1998: 287-288]. В данном случае рассказчик соединяет инуа (духа-хранителя, духа-хозяина людей, предметов и мест у эскимосов) и торнака, духа морских животных в мифологии эскимосов Лабрадора (см.: (Киплинг, 1998: 444)). Варьируя мифологию эскимосов, Киплинг иронически вводит в миф о Седне, морской богине-покровительнице, образ Квикверна – *призрака исполинского, беззубого и безволосого пса* (Киплинг, 1998: 291), который якобы является Котуко и его девушке.

Двухголовым и восьминогим *Квикверном* в итоге оказываются сбежавшие собаки инуитов, зацепившиеся друг за друга ошейниками и постромками, а коммуникативное пространство обитания инуитов (за *Лабрадором, севернее Баффиновой Земли*) расширяется за счет введения в рассказ «текстовой» составляющей – *длинной костяной пластинки с отверстием в одном ее крае* [Киплинг, 1998: 299], на которой Котуко выцарапал свою историю, условно «переведенную» позже рассказчиком. «Путь» данной пластинки (*берег озера Неттилинга, в Никозиринге – Имиген – Кумберлендский пролив – Нордкап в Норвегии – Колombo, остров Цейлон*) (Киплинг, 1998: 299-300) с упоминанием *Лондона, Австралии и Цейлона* дает абсолютно четкое представление о координатах колониального дискурса, в рамках которого разворачиваются события.

Таким образом, аксиологические приоритеты выстраивающегося в конце XIX – начале XX веков колониального литературного канона выражаются в нарративных структурах текстов Р. Киплинга в позиции повествователя или рассказчика этих текстов. Он, занимая иерархически

приоритетную позицию в многоязычном и поликультурном коммуникативном пространстве, использует иронию или даже сарказм для описания терминальных, базовых и утилитарных ценностей индусов, алеутов, инуитов. Ирония присутствует в качестве средства художественной выразительности в киплингском нарративе при описании моральных ценностей с точки зрения диегетического «ненадежного» рассказчика в «Книгах Джунглей». В качестве маркеров этой «неполиткорректной» коммуникативной позиции повествователя или рассказчика в текстах Киплинга выступают транскрибированные с разных языков экзотизмы. Они могут быть оценены как сегменты несобственно прямой речи (свободного косвенного дискурса) персонажей, включенные в рамку перволичного или третьеличного иронического нарратива киплингских повестей и рассказов.

Далее в истории английской литературы XX-XXI вв. этот неполиткорректный литературный канон будет видоизменяться в версии постколониального дискурса (Карпухина, 2023). В нем, по мнению Питера Кемпа, станет проявляться так называемое «живительное воздействие перекрестного оплодотворения культур» (the vitalizing effects of cultural cross-fertilization) (Kemp), см. также (Ако, 2004).

Аксиологическая шкала британского колониального дискурса, выстроенная в текстах Редьярда Киплинга, становится прецедентным феноменом в ситуации изменения литературного канона британцев в начале XX в. Гораздо позже, в начале XXI века, в контексте становления нового, постколониального дискурса британской литературы само имя Киплинга и прецедентные цитаты из его «неполиткорректных» текстов окажутся идентификационным маркером аксиогенных ситуаций межкультурной коммуникации старой, колониальной мультилингвальной Британии.

Ссылки – References in Russian

Андреева, 2007 – Андреева В.А. Литературный нарратив: текст и дискурс // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007, № 46. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnyy-narrativ-tekst-i-diskurs> (дата обращения: 07.05.2023).

Вельтман, 1928 – *Вельтман С.Л.* Восток в художественной литературе. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – 203 с.

Кагарлицкий, 1989 – *Кагарлицкий Ю.И.* Редьярд Киплинг // Киплинг Р. Рассказы. Стихи. Сказки. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 3–52.

Карасик, 2022 – *Карасик В.И.* Щедрость как ценность русской лингвокультуры // *Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред.), К.Я. Сигал, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Б.И. Фоминых, Н.А. Боженкова, Л.М. Гончарова, А.Н. Матрусова, Р.Р. Шамсутдинова; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина.* – М.; Ярославль: Издательство «Канцлер», 2022. – С. 14–39.

Карасик, 2017 – *Карасик В.И.* Языковая пластика общения. – Волгоград: Парадигма, 2017. – 462 с.

Карасик, 2015 – *Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – Волгоград: Парадигма, 2015. – 432 с.

Карпухина, 2015 – *Карпухина В.Н.* Дискурс детской художественной литературы в процессах институализации общества // *Сибирский филологический журнал.* – 2015, № 2. – С. 248–255.

Карпухина, 2023 – *Карпухина В.Н.* Национальная идентичность и литературный канон в британской традиции XX в. // *Studia Litterarum.* – 2023, Т. 8, № 1. – С. 178–197. URL: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-178-197> (дата обращения: 07.05.2023).

Киплинг, 1998 – *Киплинг Р.* Книга Джунглей. Стихотворения и баллады. – М.: Олимп, АСТ-ЛТД, 1998. – 528 с.

Киплинг, 1989 – *Киплинг Р.* Рассказы. Стихи. Сказки. – М.: Высш. шк., 1989. – 383 с.

Лотман, 2000 – *Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.

Падучева, 2010 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида; Семантика нарратива. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.

Перемышлев, 1998 – *Перемышлев Е.В.* Комментарии // Киплинг Р. Книга Джунглей. Стихотворения и баллады. – М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – С. 397–448.

Пичугина, Поплавская, 2015 – *Пичугина В.С., Поплавская И.А.* Творчество Д.Р. Киплинга в рецепции русских писателей и критиков первой половины XX в. // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. – 2015, № 6 (38). – С. 136–146.

Шмид – *Шмид В.* Нарратология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/shmid/index.php (дата обращения: 0.05.2023).

References

Ako, E.O. (2004) From Commonwealth to Postcolonial Literature // *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, № 6.2. URL: <https://doi.org/10.7771/1481-4374.1227> (accessed 07.05.2023).

Allen, C. (2007) *Kipling Sahib: India and the Making of Rudyard Kipling 1865-1900*, London, Abacus, 464 p.

Andreeva, V. (2007) Literaturnyj narrativ: tekst i diskurs // *Izvestija RGPU im. A.I. Gercena*, № 46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnyy-narrativ-tekst-i-diskurs> (data obrashhenija: 07.05.2023). (In Russian)

Kagarlickij, Ju. (1989) Rudyard Kipling // *Kipling R. Rassказы. Stihi. Skazki*. Moscow, Vyssh. shk., pp. 3-52. (In Russian)

Karasik, V. (2022) Shhedrost' kak cennost' russkoj lingvokul'tury // *Obshhaja i russkaja lingvoaksiologija: Kollektivnaja monografija* / M.S. Milovanova (ed.), K.Ja. Sigal, V.I. Karasik, G.G. Slyshkin, B.I. Fominyh, N.A. Bozhenkova, L.M. Goncharova, A.N. Matrusova, R.R. Shamsutdinova; IJaz RAN,

Gos. IRJa im. A.S. Pushkina, Moscow, Jaroslavl', Izdatel'stvo «Kancler», pp. 14–39. (In Russian)

Karasik, V. (2017) *Jazykovaja plastika obshhenija*. Volgograd, Paradigma. 462 p. (In Russian)

Karasik, V. (2015) *Jazykovaja spiral': cennosti, znaki, motivy*, Volgograd, Paradigma, 432 p. (In Russian)

Karpuhina, V. (2015) Diskurs detskoj hudozhestvennoj literatury v processah institalizacii obshhestva // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, № 2, pp. 248–255. (In Russian)

Karpuhina, V. (2023) Nacional'naja identichnost' i literaturnyj kanon v britanskoj tradicii 20 v. // *Studia Litterarum*, Vol. 8, № 1, pp. 178–197. URL: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-1-178-197> (data obrashhenija: 07.05.2023) (In Russian)

Kemp, P. *Literature after 1945*. URL: <https://www.britannica.com/art/English-literature/The-20th-century> (accessed 07.05.2023).

Kipling, R. (2018) *The Jungle Book*. London, Random House, 234 p. (Vintage Classics Library).

Kipling, R. (1998). *Kniga Dzhunglej. Stihotvorenija i ballady*. Moscow, Olimp, AST-LTD, 528 p. (in Russian).

Kipling, R. (1989) *Rasskazy. Stihi. Skazki*. Moscow, Vyssh. Shk, 383 p. (In Russian)

Lotman, Ju. (2000) *Semiosfera*. SPb., Iskusstvo-SPB, 704 p. (In Russian)

Paducheva, E. (2010) *Semanticheskie issledovanija: Semantika vremeni i vida; Semantika narrative*, Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury. 480 p. (In Russian)

Peremyshlev, E. (1998) Kommentarii // Kipling R. *Kniga Dzhunglej. Stihotvorenija i ballady*. Moscow, Olimp; «Izdatel'stvo AST-LTD», pp. 397–448. (In Russian)

Pichugina, V., Poplavskaja, I. (2015) Tvorchestvo D.R. Kiplinga v recepcii russkih pisatelej i kritikov pervoj poloviny 20 v. // *Vestnik Tomskogo*

gosudarstvennogo universiteta, Ser. Filologija, № 6 (38), pp. 136–146. (In Russian)

Shmid, V. *Narratologija*. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/shmid/index.php (data obrashhenija: 0.05.2023) (In Russian)

Vel'tman, S. (1928) *Vostok v hudozhestvennoj literature*, Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 203 p. (In Russian)